



ЦЕРКОВЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК
январь / февраль 2023 г.

Transfiguration of Our Lord Russian Orthodox Church

2201 E. Baltimore Street • Baltimore, Maryland 21231

Настоятель: Протоиерей Иоанн Барбус, тел.: (202) 386-25-61

Церковные запросы: (240) 997-98-38

Интернет: www.holy-transfiguration.org

СЛОВО В НЕДЕЛЮ СВЯТЫХ ОТЕЦ

В Неделю Святых Отец, т. е. последнее воскресенье перед Рождеством Христовым, Церковь предлагает нам два утешительных назидания. Первое — это тот длинный перечень имен, который читается в Евангелии этого дня. Этот перечень является земной родословной Господа нашего Иисуса Христа. С этой родословной святой евангелист Матфей начинает свое Евангелие для того, чтобы доказать, что Иисус Христос удовлетворяет требованиям еврейского закона о происхождении Мессии из рода Авраамова и Давидова, и поэтому Он и есть ожидаемый Мессия.

Однако для нас, дорогие братья и сестры, эта родословная имеет еще более глубокий смысл. В этом списке имен земных предков Господа мы находим не только великих праведников, но и великих грешников. Наряду с праведными Авраамом, Исааком, Воозом, Соломоном, — мы встречаем иудейского царя Ахаза, который обезчестил себя кровавым идолопоклонством и даже был лишен погребения; Манассию, который занимался волхвованием и идолопоклонством, и который убил великого пророка Исаию; и Озию, пораженного проказой.

Господь благоволил произойти от таких различных предков для того, чтобы показать нам Свое воплощение ради всего человечества и для всехлюдей, как добрых, так и злых. Господь пришел на землю для того, чтобы спасти нас всех, со всеми нашими грехами и страстями. Даже более того — Сам Господь сказал: «Я пришел не праведных спасти, а грешников». Эти слова являются для нас большим утешением, т. к. это значит, что и каждый из нас имеет полную возможность быть с Господом.

Второе утешение мы находим в чтении Апостола на этот день. В предшествующую неделю Церковь отмечала память Святых Праотцев — благочестивых предков Господа, древних патриархов и всех пророков, до величайшего из них — Крестителя Господня Иоанна, а в этот день она отмечает память Святых Отцов, т. е. всех праведников, бывших на земле до рождения Спасителя.



Апостол Павел описывает подвиги и чудеса, которые творили эти праведники: они побеждали царства, граждали уста львов, угашали огонь, прогоняли полки чужих, даже воскрешали мертвых. И за все это они терпели разнообразные мучения: были побиваемы камнями, перепиливаемы пилой, подвергались пытке, умирали от меча, испытывали поругания и муки, содержались в узах и темницах, терпели недостатки, скорби и напасти.

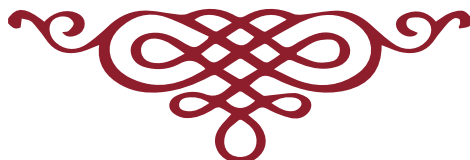
И вот все эти праведники не получили тогда обещанного, т. е. райского блаженства. Почему? А потому, говорит святой Апостол Павел, что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, чтобы они — эти праведники — не без нас достигли совершенства.

Посмотрите, дорогие братья и сестры, какое величайшее милосердие, какую высочайшую любовь проявляет к нам Господь Бог! Он задерживает выдать заслуженную награду ветхозаветным праведникам — ибо до пришествия в мир Спасителя и до Его воскресения рай оставался закрытым — только для того, чтобы все — и мы с вами, братья и сестры, — могли принять участие в этой награде!

Возлюбим же и мы Спасителя нашего всем сердцем, всей душой, всем помышлением нашим, и мысленно устремимся к той вифлеемской пещере, где вот уже скоро совершится великое таинство Рождества Христова.

Христос рождается — славите!

Иерей Ростислав Женилов



СЛОВО НА БОГОЯВЛЕНИЕ

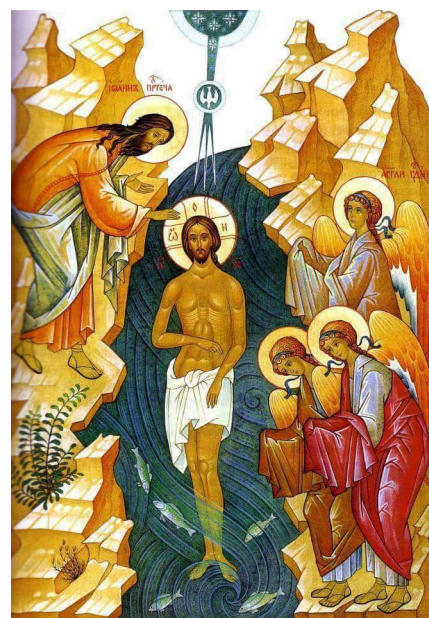
До 30-летнего возраста Богочеловек Христос не начинал всенародной проповеди Евангелия потому, что у иудеев ранее этого возраста не принимали кого либо в звании народного учителя или священника, и это правило вошло и в христианскую Книгу Правил.

Когда настало время для Его спасительной проповеди, Его по слову Божьему предварил Иоанн Предтеча, который возвестил по всей окрестности иорданской, что приблизилось Царство Небесное и грядет чаемый Мессия. Иоанн проповедал покаяние, необходимое для вступления в это Царство, и исповедающих свои грехи крестил во Иордане. Крещение, давшее Иоанну наименование Крестителя, было по слову святителя Иоанна Златоуста только приготовлением к святому таинству, а не самим таинством. Сам Господь, придя на реку Иордан и освятив воды прикосновением к ним пречистого Своего естества, установил таким образом таинство крещения, которое служит дверью в новый и уже вечный завет с Богом. Не вода очистила Его, святейшего и безгрешного, но Он освятил воду тем, что благоволил омыться ею, как об этом поется в чине великого освящения воды: *«днесь вод освящается естество»*.

Перед Своим открытым всенародным служением, Иисус Христос также пришел к Иоанну на Иордан креститься. Предтеча никогда не видел Спасителя, но Бог открыл ему, что это Мессия. Тогда Иоанн в благоговейном изумлении воскликнул: *«...мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»* *«Оставь теперь, —* отвечает ему Господь, *— ибо так надлежит нам исполнить всякую правду»* (Мф. 3, 14-15).

Затем Иоанн возлагает свою руку на главу Иисуса Христа и погружает Его; по выражению церковных песнопений, Господь берет на Себя грехи мира и покрывается водами Иордана. Когда же Господь вышел из воды, над Ним отверзлись небеса, и Иоанн увидел Духа Божия, Который сходил на Христа как голубь, и слышен был голос Бога Отца: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»* (Мф. 3, 17). Таким образом явился Бог в Святой Троице.

В воспоминание события на Иордане, Церковь установила праздновать Крещение Господне 6-го января (19-го по новому стилю). Этот праздник также называется днем Богоявления. Почему? А вот почему: этот праздник характерен тем, что, как



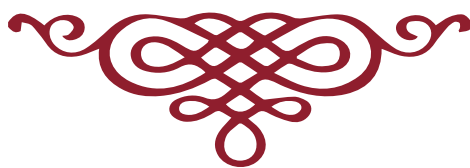
поется в его тропаре, в этот именно день «*Троическое явися поклонение*». Впервые все три Лица Святой Троицы явились в Своей отдельности: люди слышали голос Бога Отца, Сын Божий принимал крещение от Иоанна, а Дух Святой в виде голубя сошел от Отца на Сына.

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Не тот день, в который родился Спаситель, должно называть явлением, но тот когда Он крестился. Не через рождение Свое Он всем сделался известен, но через крещение...»

Начало этого праздника восходит к апостольским временам, о нем упоминается в апостольских постановлениях. Во втором веке сохранилось свидетельство Климента Александрийского о праздновании Крещения Господня. Также есть упоминание о том, что праздники Рождества Христова и Богоявления сливались в одно празднование, которое продолжалось с 25-го декабря по 6-ое января (по старому стилю).

Своим Рождеством и Крещением Спаситель заповедал нам **смирение**, вопреки началам гордыни и самолюбия, которыми кичится современное человечество. Научимся же, братья и сестры, у нашего Спасителя этой боголюбивой и благоуханной добродетели, без которой, как говорят Святые Отцы, никакая другая добродетель не может быть совершенной. Аминь.

Протоиерей Игорь Гребинка



О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ ВРЕМЕНИ

Книга Бытия говорит о шести днях сотворения мира. Но что мы можем знать о днях Божиих? *У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день* (2 Петра 3:8). Что для Предвечного эти тысячи и миллионы, миллиарды и секстиллионны лет, подсчет периодов и эпох, вся эта земная арифметика? Даже для человека время может двигаться очень по-разному: оно то «летит», то «тянется», вовсе не соотносясь с тиканьем механических часов. В мгновения смертельной опасности или агонии человек может как бы заново пережить всю прожитую жизнь до мельчайших подробностей: проходит несколько секунд, а перед ним проходят картины десятилетий. Неделя Шестоднева, по высказанному еще в древности мнению Святых Отцов, — это просто тот срок, за который Всевышний благоволил показать в видении первому человеку Адаму, а затем и Боговидцу Моисею, как именно был сотворен мир. Для Бога нет времени: Его обитель — вечность. Но понятие о вечности принадлежит к числу тех, которые не вмещаются в ограниченный земной рассудок. Вечность — вовсе не время, удлинняющееся в обе стороны, как представляется плоской логике, — нет, это совершенно иная форма бытия. О чем-то подобном начинают догадываться математики, когда говорят о многомерности вместо привычных трех пространственных и четвертого, временного, измерений. Счастье Царства Небесного потому и непредставимо для нас, что тайны вечности не описываются человеческим языком.

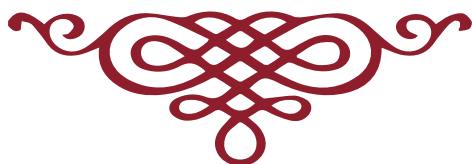


Священное Писание начинается и заканчивается указаниями, относящимися ко времени: *в начале сотворил Бог небо и землю* (Быт. 1:1); *времени уже не будет* (Откр. 10:6). Библейское *в начале* указывает на то, что время — творение Божие. Оно является основополагающим свойством тварного мира. Бог заключил Свое творение во времени. Время есть мера земной длительности. Оно имеет начало и конец. Творец задал определенные ритмы, которым подчиняется весь сотворенный Им мир: движение светил небесных и связанное с этим чередование дня и ночи, круговорот времен года, смена поколений людей. *Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать* (Еккл. 3:1-2). По отношению к временному бытию мира Бог остается трансцендентным. Человек живет во времен, а Бог — в вечности: *Дни мои яко сень уклонишася... Ты же, Господи, во век пребываеши* (Пс. 101:12-13). Время неизбежно течет к своему концу. Есть время космическое и время историческое. Первое — цикличное, второе — поступательное. Нет ни прогресса, ни социальной эволюции, а лишь эсхатологическая перспектива, определяемая Божественным Промыслом. История не подчиняется закону круговорота, как полагали древние



греки. Она направляется к конечным событиям. Эта цель и определяет смысл истории. Время истории грешного мира закончится последним Судом: *Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы* (Мф. 25:31-32). Когда завершится Суд, тогда прекратится время. Тогда люди вступят в вечность Бога.

Митрополит Омский Владимир (Захарович)



ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

Притча о талантах

В одном из воскресных евангельских чтений мы слышим притчу Господа о талантах. Некий господин, отправляясь в дальний путь, призвал своих рабов и поручил им свое имение, с тем, чтобы они взяли его и пустили в оборот, и приобрели еще большего для своего господина. Два раба сделали то, что повелевал им долг, а третий ничего не хотел сделать с тем, что ему было дано его господином. После же своего возвращения, господин похвалил первых двух рабов за их усердие, а последнего осудил его же словами и его же судом. Господь закончил притчу словами: «кто имеет уши слышать, да слышит».

Последуем благоговейно сему приглашению Господню и вникнем в смысл этой божественной притчи, чтобы получить пользу душевную и избежать участи ленивого раба. Господин в этой притче есть Бог, Творец и Промыслитель, а рабами в этой притче являемся мы — все люди. Господь всем нам дает различные дары: естественные и благодатные. И каждому даются эти дары-таланты соответственно его силам. Людей совсем без талантов — нет! И вот эти дары мы должны употреблять для нашего духовного совершенства. Какие же это таланты?

Таланты — это разные, т.н. природные, а иногда и материальные, дарования, как то: хорошая память, физическая выносливость, хорошие способности, происхождение, образование, иногда богатство, и т. п.



Очень часто мы употребляем многие, если не все, такие таланты для себя, а не для Бога и ближних. Более того, часто бывает так, что люди с большими талантами меньше всего их употребляют для своей духовной жизни. И наоборот — человек менее даровитый трудится усерднее того, кто более даровит. Часто слышится: «мы не апостолы, не святые, не праведные, не имеем их благодати...», и этим люди как бы хотят извинить себя в недостатке подвигов и добродетелей. Не напоминают ли эти слова оправдания лукавого раба в евангельской притче?

Достоинно внимания также то, с какой радостью являются к господину усердные рабы. Их совесть спокойна; они исполнили свое дело как могли. Они приписывают успех свой своему господину, говоря: «Ты дал, а я приобрел...» Так же смиренно смотрят на свои дела и праведники: «Не я, но благодать Божия сделала это...», говорит апостол Павел.

В жизни часто бывает, что люди весьма щедро наделенные от Господа разными талантами и благами земными, не хотят употреблять их во славу Божию. Но Господь выставляет в Своей притче раба с одним талантом и показывает, что важна не высокая или знатная доля, а верно ли каждый исполнил свой долг. Только это послужит оправданием на суде Божиим, а до суда наша совесть может нам быть барометром, если мы только захотим к ней прислушаться.

«Иной успокаивает себя мыслями», — говорит Митрополит Филарет Московский, — «что, мол, я не такой как тот лукавый раб, который зарыл данный ему талант и ничего другого не сделал; я, мол, нечто делаю, поэтому еще не беда, что некоторые заповеди не исполнены, некоторые дни или часы не посвящены Богу как это надлежало бы, что некоторые средства добра обращены только к удовольствию собственному.... Но ты не так рассуждаешь, как судит праведный Господь наш... Дело ведь не в количестве, но в качестве, а качество уже плохое. Следовательно, допуская неверность в малом, ты сам себя лишаешь права на многое...»

Главная мысль этой притчи та, что каждый истинно верующий в Господа должен послужить Ему всей своей волей, всей своей деятельностью. Сам не вызывайся на подвиг, а когда Господь позовет, т. е. укажет случай — не отказывайся.

«Кто имеет уши слышать, да слышит», т. е. кто хочет быть внимательным — тот внимай и прилагай сказанное к себе!



О смирении

В истории православного монашества 6-го и 7-го веков есть имя преп. Дорофея, у которого был ученик Досифей.

Досифей был отдан преп. Дорофею для духовного руководства. Досифей пробыл под руководством этого Аввы около шести лет, и после этого он скончался.

Одному подвижнику Господь открыл загробную жизнь и участь Досифея, умершего около 26 лет от роду. В видении подвижнику был показан собор великих отцов монашества и старцев, и среди них был молодой Досифей. Когда видение кончилось, вышеупомянутый старец начал расспрашивать Авву Дорофея и других иноков о том, как и чем подвизался Досифей, чтобы быть достойным такой блаженной загробной участи.

Оказалось, что Досифей не отличался ни особенным воздержанием, ни большими подвигами поста. Бывали случаи, когда Досифей опаздывал к богослужению, и проявлял другие ежедневные мелкие недочеты.

В чем же была заслуга Досифея, что он удостоился быть между самыми великими подвижниками монашества?

Оказывается, что за всю свою жизнь в монастыре Досифей ни на кого никогда не обиделся, охотно исполнял возложенные на него послушания, калялся сразу, если что делал не так, как нужно. Короче говоря, он имел **дух смирения**. Все, что ему приходилось переносить, считал посланным по воле Божией.

Смирение и есть признак покорности воле Божией! Покоряясь воле Божией, человек ставит себя в правильное положение перед Творцом всего «видимого и невидимого», и таким образом строго соблюдает т.н. «иерархию ценностей».

В евангельском повествовании о жене хананеянке мы видим женщину, которая тоже показала на деле, что покорное принятие воли Божией есть способ «преклонить небеса», из-за чего она и получила просимое. Господь Иисус Христос ублажает такой тип веры!

Даже если на просимое мы не получаем ответа, то нужно считать, что либо время неподходящее для исполнения просимого, либо оно противоречит Божественному Промыслу.

Итак, будем внимательны. Возьмем поучительные примеры из Священного Писания и из подвижников благочестия, и да поможет нам Господь применять их к себе.

Протоиерей Игорь Гребинка



ЖИТИЯ СВЯТЫХ

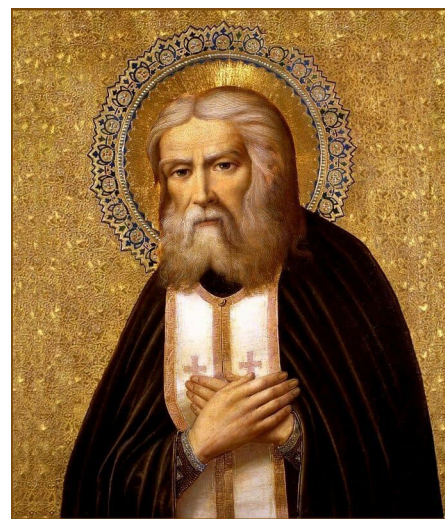
Праведник во веки живет...

К столетию со дня прославления преподобного Серафима Саровского (1903 — 2023)

Итак, уже прошло сто двадцать лет с того великого дня, когда совершилось наконец церковное прославление «радости нашей» — «батюшки Серафима», которого еще при жизни русский народ почитал святым. Люди еще помнят дивные июльские дни в Саровской пустыни, когда уединенная подвижническая обитель превратилась временно в многолюдный город, и тысячи богомольцев, не удовлетворяясь продолжительными богослужениями, в восторге всю ночь напролет пели церковные песнопения. Сам благочестивейший Государь Император Николай Александрович со всей своей Августейшей Семьей возглавлял это поистине всенародное торжество, и неудивительно, что в чудную ночь с 18 на 19 июля никто из многотысячного народа, расположившегося лагерем вокруг обители, не мог спать, и среди священных песней даже слышались пасхальные песнопения. Все это, как вспомнили потом, было исполнением слов дивного старца, говорившего перед своей кончиной одной из дивеевских сестер: «Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся фамилия!»

Сто девяносто лет прошло со дня блаженной кончины этого величайшего подвижника нашего времени. Срок вполне достаточный для того, чтобы память о столь давно жившем смертном человеке могла быть предана забвению. Сколько людей за это время успело родиться и умереть, и никто не вспомнит о них добрым словом, за исключением разве немногих близких и родных, да и те нередко забывают даже молиться об упокоении их душ.

Но так бывает лишь с людьми, которые всю радость, все счастье своей жизни полагают в земных утехах, которые в эту краткую земную жизнь думают лишь о том, как бы по-лучше, по-удобнее и по-приятнее провести время, обеспечив себя всеми материальными благами.



Тот же, кто ради Христа отвергается себя и берет на рамена свои Крест Христов, кто добровольно распинается миру, кто умерщвляет и порабощает плоть свою, эту непокорную и своенравную рабу, чтобы жить во Христе и для Христа, все почитая за сор, дабы приобрести Христа, — тот живет вечно, и память его в род и род. *«В память вечную будет праведник»*, — поет о таких людях Церковь, — *«от слуха зла не убоится»*.

Память о таких праведниках, каков преподобный Серафим, не только не ослабевает с течением времени, но еще более крепнет и одухотворяется. «Батюшка Серафим» многим из нас, быть может, еще более близок и дорог, чем его современникам. Светлый образ его горит перед нами как путеводная звезда в Царство Небесное. Размышляя о нем, молитвенно призывая его, мы как бы ощущаем отблеск той великолепной славы, которой сподобил его Господь, по его блаженной кончине, в райских обителях.

И это нисколько не удивительно. Ведь вся жизнь преподобного явила нам высокопоучительный пример истинно-христианского подвижничества, горячей искренней веры и пламенной любви к Богу и ближним. Эта пламенность и есть самая характерная черта его, за которую промыслительно дано ему при пострижении имя **Серафим** (что значит: пламенный), и которой более всего недостает современным христианам, погибающим от своей теплохладности. *«Огонь пришел я низвести на землю»*, — говорит Сам Господь Иисус Христос, — *«и как желал бы, чтобы он уже возгорелся»* (Лук. 12, 49). Под этим «огнем» святые отцы понимают огонь Божественной ревности, ту пламенную ревность о Богоугождении, без которой невозможна истинная духовная жизнь. Эта-то пламенная ревность о Богоугождении и преизбыточествовала в преп. Серафиме, она-то и прославила его так, что он, живший в наше время, сравнился по высоте своих подвигов с великими отцами христианской древности, и стяжал себе благодатную память.

Празднуя столетие прославления нашего дивного святого, будем в особенности молить его о том, чтобы он вымолил для нас, современных теплохладных христиан, эту пламенную ревность о Богоугождении. Вспомним и умилительный, глубоко трогаящий душу завет его, данный дивеевским сестрам, а в их лице и всем нам:

«Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик, ходите как вам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все придите да мне на гробик, припав к земле, как живому расскажите, и услышу я вас, и скорбь ваша пройдет! Как с живым со мной говорите, и **всегда я для вас жив буду**».

Ныне, когда у всех у нас так много скорбей, когда мы переживаем то страшное время, которое предвидел и предсказал преп. Серафим, нам особенно благовременно помнить этот завет. Пусть лишены мы сладкой возможности в буквальном смысле



«припасть на гробик» преп. Серафима, чтобы выплакать на нем наше горе; не будем смущаться этим — услышит и так нас великий угодник Божий, лишь бы с искренней верой и сердечным сокрушением взывали мы к нему в теплой молитве:

«Молися, преподобне Серафима, о верою и любовью чтущих святую память твою!»

Архиепископ Аверкий (Таушев)



Из жизни преподобного Серафима

Однажды пришли посетить отца Серафима из одной обители две сестры. Вдруг неожиданно вышел из лесу медведь и своим появлением испугал пришедших. «Миша», — сказал преподобный, — «что ты пугаешь сирот! Ступай-ка лучше назад, да принеси нам какое-нибудь утешение, а то мне теперь нечем попотчевать гостей». Выслушав эти слова, медведь ушел в лес, а часа через два ввалился в келью святого старца и подал ему что-то завернутое в листья. Это был самый свежий сот чистого меда. Отец Серафим вынул из своей сумочки кусок хлеба, подал его медведю и указал ему рукою на дверь — зверь тотчас же удалился.



Если бы мы жили во времена святого, если бы поехали в Саровскую обитель, пошли бы в пустыньку, где жил преподобный, мы там встретили бы святого старца с лицом сияющим как лицо ангела. Летом мы увидели бы его в белой одежде — балахончике из холста. На груди он носил медный крест, — тот крест, которым его благословила мать, когда он еще юношей собрался идти в Киев. Зимой он носил шубу и рукавицы.

Если бы мы поехали в Саровскую пустынь, то пошли бы купаться на святой источник. Сама Царица Небесная вместе с Иоанном Богословом и апостолом Петром явилась святому старцу, ударила жезлом в землю — и потек из земли источник чистейшей холодной воды, и от этой воды впоследствии многие больные, искупавшись — исцелялись.

Однажды преподобный в глухой чаще соснового бора нашел большой камень. Он стал угождать Богу, как делали древние святые люди: великий старец тысячу дней и тысячу ночей, подняв руки к небу, со слезами умиления молился Господу. Он день



и ночь шептал одну молитву: «Боже, милостив буди мне грешному». Зимними ночами, во мраке ночи стоял святой на камне, один среди глухого, черного бора. Мы бы испугались диких зверей, и злых людей, и мороза, и ветра, а батюшка отец Серафим ничего не боялся — с ним был Господь и Божии ангелы. От долгого стояния на камне у святого заболели ноги, и он должен был вернуться в Саровскую обитель. Он стал жить один в маленькой келье. В углу висел образ Божией Матери «Умиление», перед которым всегда теплилась лампада. В келье не было постели. Батюшка ночью молился Богу, не спал на мягкой кровати как все мы, грешные люди. Когда сон одолевал его, то он на короткое время засыпал прямо на полу. За его великие подвиги Господь еще при жизни показал ему Свой пресветлый рай, и преподобный увидел неизреченную красоту райских селений.



Слава о святой жизни преподобного разнеслась по всей Руси, и люди стали приходить издалека, чтобы только хоть увидеть и поговорить с великим старцем. Батюшка всех принимал с радостью и любовью. Он ласково, весело всем говорил не «здравствуйте», а «Христос Воскресе!» Для святого всегда была радость в душе, всегда Пасха, потому-что он всем своим чистым сердцем возлюбил Господа.

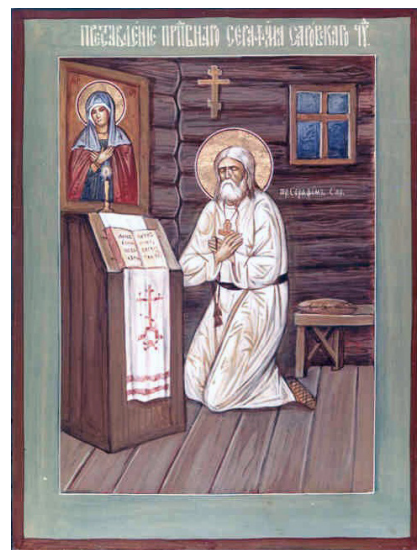


Особенно нежно и ласково он обращался с детьми. Одна маленькая девочка, Надя Аксакова, со своими родителями посетила святого, а когда выросла, то описала свою встречу с ним. Когда она подошла со своей семьей к келье преподобного, его не было дома: он ушел в лес, в свою пустыньку, помолиться. Надя с родителями и другими детьми пошла искать в сосновом бору батюшку отца Серафима. Впереди пошли дети, сзади родители с другими бомольцами. Вот как описывает встречу сама Надя: «Лес становился все гуще и рослее. Под высокими сводами громадных елей стало совсем темно. Сделалось жутко в мрачном бору. По счастью где-то вдалеке блеснул солнечный луч между иглистыми ветками. Мы ободрились, побежали на просвет, и вскоре выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну. Смотрим — около корней ели работает пригнувшись к земле низенький, худенький старец, проворно подрезывая топором лесную траву. Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, проворно шархнулся к чаще леса и скрылся у нас из виду. Мы чуть не

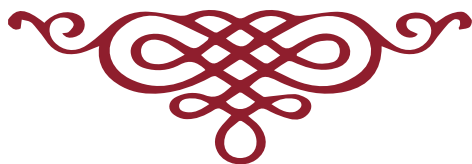


в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!» Заслышав неподалеку от себя звук детских голосов, отец Серафим не выдержал в своей засаде и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умиленно поглядывал на нас, как бы упрасывая ребяток не выдавать его старшим, а затем, опустившись на траву, поманил нас к себе. Наша крошка Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому рубищем. «Сокровища, сокровища», — приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди. На возвратном пути из пустыньки крошка Лиза, которую отец Серафим обнял первую, подошла ко мне и сказала: «Ведь отец Серафим только кажется старичком, а на самом деле он такое же дитя, как ты да я. Неправда ли, Надя?»

К великому святому, незадолго до его блаженной кончины, явилась Царица Небесная, чтобы сказать ему о его скором уходе с этой грешной земли. Старица Дивеевского монастыря по имени Евпраксия была у батюшки в кельи, когда посетила его Мать Божия, и рассказала после людям о чудном, небесном видении. Тихо, тихо было в келье. Святой молился, вдруг точно свежий благоуханный ветер пронесся. Послышалось ангельское пение, дверь кельи сама отворилась, келья вся засияла. Сначала вошли ангелы с цветущими райскими ветвями в руках, с золотистыми как лен волосами. Потом шли св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов, а за ними, сияя необыкновенным, неземным светом, предстала Царица Небесная с двенадцатью девами. Мать Божия была в мантии зеленого цвета, на голове Ее сияла корона, волосы Ее были красивее и длиннее ангельских. Она была ростом выше всех святых дев. Царица Небесная долго говорила со святым старцем и перед уходом сказала ему, что скоро он уйдет ко Господу.



После праздника Рождества Христова 2-го января 1833 года улетела душа праведника с грешной земли в Божий рай. Святой старец перед кончиной пел пасхальные песнопения. Он умер, молясь на коленях перед своим любимым образом Матери Божией «Умиление», отошел из мира слез в вечную радость.



НЕВЕРОЯТНОЕ ДЛЯ МНОГИХ, НО ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

(Окончание)

XXIII.

Я совершенно ясно помню как и что произошло со мной после этих слов.

Сначала я почувствовал будто что-то сдавило меня; затем последовало ощущение неприятного холода, и возвращение этой способности (до тех пор отсутствовавшей во мне) ощущать подобные вещи ярко возродило во мне ощущение моей прежней жизни, и меня охватило чувство сильнейшей тоски, будто я что-то потерял (должен заметить, что это чувство навсегда осталось со мной после вышеописанного происшествия).

Желание вернуться к моей прежней форме жизни, хотя до тех пор в ней не было ничего особо печального, ни разу не заговорило во мне; ничего в ней меня не привлекало.

Читатель, видел ли ты когда-нибудь фотографию, которая довольно долгое время пролежала в сыром месте? Изображение на ней сохранилось, но выцвело от сырости, и вместо красивого образа ты видишь какую-то светло-серую расплывчатость. Подобным образом и жизнь на этой земле поблекла для меня, и по сей день представляется мне скучной и отсыревшей картиной.

Как и почему я вдруг так себя почувствовал — я не знаю, но одно верно — эта жизнь меня больше не привлекала. Ужас, испытанный мною ранее относительно моего отделения от окружающего мира, теперь по какой-то причине потерял для меня всякое значение; например, я видел свою сестру и понимал, что не могу с ней общаться, но это меня никак не беспокоило; я был доволен просто видеть ее и знать все о ней; в противовес прежнему, у меня не было ни малейшего желания каким либо образом объявить о своем присутствии.

Кроме того, это не было моей главной заботой. Чувство сжатия со всех сторон вызывало во мне все больше и больше страдания. Мне казалось, что меня сжимают в тисках, и это ощущение постоянно нарастало. Я, со своей стороны, не оставался пассивным, но делал ли я что либо, боролся ли я, стараясь освободиться, или я не прилагал усилий это состояние побороть — не могу сказать, т.к. помню лишь, что я ощутил все возрастающий нажим вокруг себя и, наконец, я потерял сознание.



XXIV.

Когда я пришел в себя, я нашел себя уже лежащим в кровати в больничной палате.

Открыв глаза, я увидел себя окруженным целой толпой любопытных людей или, иначе говоря, лицами которые смотрели на меня с напряженным вниманием.

У моего изголовья сидел на табуретке главный врач, старавшийся сохранять свой обычный напыщенный вид. Его поза и манера как бы говорили, что это самое обыденное происшествие и что в нем нет ничего удивительного, но в то же самое время в его уставленных на меня глазах можно было видеть напряженное внимание и смущение. Младший же врач без всякого смущения буквально впился в меня своими глазами, как будто стараясь проникнуть внутрь меня.

В ногах у меня, одетая в траур и с бледным, взволнованным лицом стояла моя сестра, рядом с ней — мой зять, а за сестрой виднелось сравнительно более спокойное лицо больничной сестры милосердия, а еще дальше за ней — совершенно испуганное лицо молодого помощника хирурга.

Придя совсем в себя, я в первую очередь приветствовал свою сестру; она быстро подошла, обняла меня и начала плакать.

— Ну, молодой человек, и напугали же вы нас! — сказал младший врач с тем нетерпением поделиться как можно скорей невероятными впечатлениями и мнениями, которое характерно в молодости. — Если бы вы только знали, что с вами произошло!

— Почему же, я помню все, что со мной произошло, — сказал я.

— Как же это так? Неужели это возможно, что вы не потеряли сознания?

— Повидимому нет!

— Это очень, даже крайне странно, — сказал он, глядя на главного врача. — Это странно потому, что вы лежали как настоящий безжизненный чурбан, без малейших признаков жизни, нигде ни малейшего даже признака жизни, ни самого малейшего. Как это возможно сохранять сознание в таком состоянии?

— Очевидно все же возможно, т. к. я все и видел и ощущал.

— Говоря о зрении, вы ничего не могли видеть, но слышать и ощущать...? Неужели вы все слышали и понимали? Все? Вы слышали как вас мыли и одевали...?

— Нет, ничего этого я не ощущал. В общем я был совершенно бесчувствен к моему телу.

— Как это может быть? Вы говорите что вы помните все, что с вами произошло, но что вы ничего не чувствовали?



— Я говорю что я не чувствовал лишь того, что делалось с моим телом, будучи под сильным влиянием того, что я испытывал в то время, — сказал я, думая что такое объяснение будет достаточным для понимания того, что я хотел сказать.

— Ну...? — сказал врач, видя что я остановился.

Тут я на минуту запнулся, не зная что еще от меня требовалось. Все мне казалось таким ясным, и я снова лишь повторил:

— Я сказал вам, что я только не ощущал своего тела и всего что с ним связано. Однако, мое тело — это не весь я, неправда ли? Ведь это не весь я лежал там как чурбан. Остальная часть меня жила и продолжала действовать во мне, — добавил я. Я был уверен, что это раздвоение моей личности, которое теперь мне было яснее чем Божий день, было таким же очевидным и для этих людей, к которым я обращал свою речь.

Повидимому я еще не полностью вернулся к моей прежней жизни, не вернулся к их точке зрения, и говоря о том, что я сейчас знал и ощущал, я не понимал, что мои слова покажутся бредом сумасшедшего для тех, кто сам не пережил ничего подобного и кто отвергнет мои слова как неправду.

XXV.

Младший врач все еще хотел ответить или о чем-то меня спросить, но старший врач сделал ему знак оставить меня в покое, — я точно не знаю почему: то-ли мне действительно был нужен этот покой, то-ли потому, что из моих слов он заключил, что мой ум еще не совсем пришел в порядок, и что незачем поэтому что либо со мной обсуждать.

Убедившись в том, что органический механизм моего тела более или менее пришел в порядок, они полностью выслушали меня, но отека в легких не было. Затем, дав мне выпить, как мне помнится, чашку бульона, все вышли из палаты кроме моей сестры, которой было разрешено остаться со мной еще на некоторое время.

Повидимому им казалось, что всякое напоминание о том, что со мной случилось, могло лишь вызывать во мне тревогу, порождая в моем уме всякие ужасающие мысли, как, например, быть заживо погребенным, и т.д. Все окружающие избегали разговаривать со мной об этом, лишь молодой врач являлся исключением и не держался со мной сдержанно.

Очевидно он был крайне заинтересован в том, что со мной произошло, и несколько раз в течение дня он подбегал ко мне, либо просто на меня поглядеть и проверить состояние дел, либо задать какой-нибудь пришедший ему на ум вопрос. Иногда



он приходил сам, а иногда приводил с собой какого-нибудь друга, по большей части студента, чтобы посмотреть на человека, который был в морге.

На третий или четвертый день, повидимому найдя меня достаточно окрепшим, или может быть просто потеряв терпение дольше ждать, он пришел вечером в мою палату и затеял со мной более долгий разговор.

После продолжительной проверки моего пульса он сказал:

— Удивительно: все эти дни Ваш пульс был совершенно ровным, без всяких отклонений, но если бы Вы только знали, что с Вами происходило! Это только можно назвать чудом!

К тому времени я уже привык опять быть земным человеком, вошел в рамки своей прежней жизни, и осознал всю невероятность того, что со мной произошло. Я также понимал, что только я один знал об этом, и что те чудеса, о которых говорил врач, заключались лишь в некоем роде внешних проявлений того, что в действительности со мной произошло, что с медицинской точки зрения они были лишь некоей, до тех пор непонятной, патологической редкостью, и поэтому я спросил:

— Когда же эти чудеса со мной произошли? До моего возвращения к жизни?

— Да, до Вашего прихода в себя. Я не говорю от себя, т. к. у меня мало опыта, и до сих пор я даже никогда и не видел случая летаргии, но кому бы из старых врачей я не рассказывал об этом, все они поражаются, и до такой степени, что даже отказываются верить моим словам. Я думаю Вы знаете — собственно, это даже и не нужно знать, оно ясно и так, — что когда человек падает даже просто в обморок, все органы начинают работать очень слабо: пульс можно еле-еле нащупать, дыхание совсем незаметное, не слышно как бьется сердце. Но с Вами происходило что-то невообразимое: Ваши легкие вдруг стали надуваться как огромные мехи, сердце стало колотиться как молот об наковальню. Нет, это даже невозможно описать словами: это нужно было видеть. Видите-ли, Вы находились в состоянии похожем на вулкан перед извержением, и у всех окружающих мурашки по спине забегали, так это было страшно; казалось, еще одна минута — и от Вас не останется ни кусочка, потому-что никакой организм не может выдержать такой напряженной деятельности.

«Гм... тогда неудивительно, что я потерял сознание перед тем, как прийти в сознание», — подумал я.

До сообщения врача я находился в состоянии недоумения, не зная как объяснить то странное, как мне тогда казалось, положение, что когда я умирал, т. е. когда все от меня отходило, я ни на минуту не терял сознания, но когда я возвращался к жизни, я упал в обморок. Теперь мне все стало ясно: когда я умирал, хотя у меня тоже было



ощущение сжатия со всех сторон, в момент крайней агонии все разрешилось, потому что я сбросил с себя то, что меня сжимало, а сама душа, видимо, не способна падать в обморок; однако, когда я должен был снова вернуться к этой жизни, я, напротив, должен был взять на себя то, что подвержено всяким физическим страданиям, включая и обморок.

XXVI.

Между тем доктор продолжал:

— И не забывайте, что это не просто после какого-то обморока, а после 36-часовой летаргии! Вы сами можете судить о силе этого процесса из того, что в то время Вы были как замерзший чурбан, а через 15-20 минут Ваши члены уже стали гибкими, а через час стали теплыми и конечности. Это же невероятно, как из какой-то сказки. И когда я это рассказываю, мне не верят.

— А вы, доктор, знаете, почему это произошло так невероятно? — спросил я.

— Почему?

— По Вашим медицинским понятиям, считаете-ли Вы летаргию нечто вроде обморока?

— Да, но только в крайней степени...

— Ну, тогда получается, что я не был в состоянии летаргии.

— А что же?

— Из этого следует, что я действительно умер и вернулся к жизни. Если в данном случае произошло бы только ослабление жизненных функций организма, тогда они конечно были бы восстановлены без того «переворота», который во мне произошел, но ввиду того, что моему телу нужно было приготовиться необычайно для принятия моей души, в этом случае все члены тела тоже должны были работать необычайно.

Врач все время слушал меня внимательно, но после этих слов на его лице появилось выражения равнодушия.

— Ну, это Вы уже шутите; однако для нас, врачей, это весьма интересный случай.

— Я Вас уверяю, что у меня нет ни малейшего намерения шутить. Я сам полностью уверен в том, что говорю, и я очень хотел бы, чтобы и Вы мне поверили, хотя бы ради серьезного исследования такого удивительного феномена. Вы говорите, что я ничего не мог видеть, но хотите ли Вы, чтобы я описал Вам всю обстановку морга, в котором я никогда в жизни не бывал; хотите ли Вы, чтобы я рассказал Вам, кто из Вас здесь находился, и что Вы делали в момент смерти и после этого?



Врач заинтересовался в том, что я сказал, и когда я описал ему все, что произошло, он, как человек выбитый из строя, выбитый из своего обычного равновесия в состояние конфуза, пробормотал:

— Н-н-ну, д-д-а, странно; какое-то ясновидение...

— Ну, доктор, что-то неправильно в Вашем мышлении: состояние замерзшего чурбана — и при этом ясновидение!

Однако, мое описание того состояния, в котором я находился сразу после разделения моих души и тела, вызвал крайнее удивление: как я все видел, видел как они возились с моим телом, которое, ввиду своей бесчувственности, ощущалось мной как сброшенная одежда; как я хотел тронуть или толкнуть кого-нибудь для того, чтобы привлечь к себе внимание, и как воздух, который в то время стали слишком плотным для меня, не позволял мне войти в контакт с окружающими меня предметами.

Он слушал все это с разинутым ртом и широко раскрытыми глазами, и не успел я закончить, как он поспешно попрощался со мной и ушел, видимо спеша поделиться с другими этим моим невероятно интересным рассказом.

XXVII.

Очевидно он сообщил об этом старшему врачу, потому-что последний, во время своего обхода на следующий день, осмотрев меня, задержался у моей постели и сказал:

— Повидимому у Вас во время летаргии были галлюцинации. Поберегитесь и постарайтесь избавиться от этого, иначе...

— Я могу сойти с ума? — подсказал я.

— Нет, так далеко Вы не зайдете, но оно может превратиться у Вас в манию.

— Разве действительно могут быть галлюцинации во время летаргии?

— Зачем Вы спрашиваете? Вам это лучше известно, чем мне.

— Единичный случай, даже касающийся меня лично, не является для меня достаточным доказательством. Я хотел бы знать общие заключения по этому поводу.

— А что же нам делать с Вашим случаем? Разве это не сам факт?

— Да, но если все случаи будут приведены к одному знаменателю, разве не закроются-ли тогда двери к исследованию различных феноменов, различных симптомов болезней, и благодаря однозначному подходу не укоренится-ли во врачебных диагнозах нежелательное предубеждение?



— В данном случае нет ничего подобного. То, что Вы находились в состоянии летаргии — это вне всякого сомнения; следовательно, мы должны принять все, что случилось с Вами, как возможное в данном состоянии.

— Скажите мне, доктор, есть-ли какая либо причина для возникновения летаргии в такой болезни как воспаление легких?

— Медицина не может указать какое именно нужно основание для этого, потому что оно происходит в связи со всякими болезнями, и даже бывали случаи, когда люди впадали в летаргический сон без какой либо предварительной болезни, будучи повидимому совершенно здоровыми.

— А может-ли отек легких пройти сам по себе во время летаргии, т. е. в то время когда сердце бездействует и, значит, последовательное усиление отека не встречает никаких преград?

— Раз это с Вами случилось — значит, это возможно, хотя, поверьте, Ваш отек прошел когда Вы пришли в себя.

— В течение нескольких минут?

— Ну, тогда придется считать, что в течение нескольких минут. Та деятельность Ваших сердца и легких, которая происходила во время Вашего пробуждения, могла, казалось, даже пробить лед на Волге, а не только рассеять в короткий срок какой либо отек.

— А могли бы сжатые, отечные легкие функционировать подобным образом, как это было в моем случае?

— Видимо могли.

— Значит, нет ничего удивительного или поразительного в том, что со мной произошло?

— Нет, почему же? Это в любом случае феномен, который наблюдается редко.

— Редко, или в таких случаях, при таких обстоятельствах — никогда?

— Гм, как же никогда, когда оно произошло в Вашем случае?

— Следовательно, отек может пройти сам по себе, даже когда все органы человека не действуют, а сжатое отеком сердце и отечные легкие могут, если им так захочется, действовать себе на славу! В таком случае, кажется, нет никакой причины умирать от отека легких. Но скажите мне, доктор, можно-ли отойти от летаргии нашедшей во время отека легких, т. е. может-ли человек одновременно выйти из таких двух неблагоприятных состояний?



На лице врача появилась ироническая улыбка.

— Вот видите: я не даром предупреждал Вас относительно появления мании, — ответил он. — Вы постоянно стараетесь занести происшедшее с Вами в иную категорию, а не летаргию, и Вы задаете вопросы с этой целью...

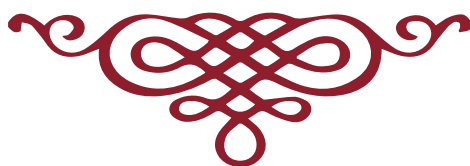
«С целью убедиться, — подумал я, — кто из нас маньяк: я, который желает посредством научных заключений испытать основу того определения, которое Вы сделали относительно моего состояния, или Вы, который вопреки всем возможностям, помещаете все под единственное определение, которое Вы имеете в Вашей науке».

Но вслух я сказал следующее:

— Я задаю вопросы с целью показать Вам, что не каждый человек, который видит падающий кругом снег, может твердо заявить, вопреки календарю и цветущим деревьям, что на дворе зима, т.к. я сам помню как однажды падал снег когда по календарю было 12-ое мая, а в саду у моего отца деревья были в цвету.

Такой мой ответ повидимому убедил врача в том, что он опоздал со своим предупреждением, и что я уже впал в состояние мании, т.к. он больше ни в чем мне не противоречил, а я прекратил задавать ему вопросы.

(Перепечатано из «Православной Руси», Но. 4 за 1976 год)



НОВОГОДНЯЯ ПРОСЬБА

Господь, в грядущем сем году
Одно лишь я Тебя прошу:
Я не прошу земного счастья,
Или земных каких-то благ;
Я не прошу уразуметь
Путь, по которому меня ведешь,
Но одного прошу: Ты научи
Делам угодным для Тебя.
Я жажду знать Твой путеводный глас,
Ходить в путях Твоих весь день.
Господь, дай слышать мне Твой зов,
Готовность слушаться Тебя.
Тогда и начинающийся год
Счастливым будет для меня,
Если одно лишь делать буду я —
Дела угодные Тебе.

